ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ԳՐԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏԱՀԵՏԱԶՈՏԱԿԱՆ ԿԱԲԻՆԵՏ

Գորկի և Հայաստանը

Հոդվածներ, նամակներ,
հիշողություններ և «Տարեգրություն»

«ՄԻՏՔ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ
1968

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КАБИНЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Gor'kij

Горький и Армения

Статьи, письма, воспоминания и „Хроника"

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИТК"
ЕРЕВАН
1968

Printed in the Soviet Union

PG3465
Z9A735

Составители, авторы примечаний и «Хроники»:
К. В. Айвазян, С. Т. Ахумян

Редактор **С. К. Даронян**

В сборе материалов для сборника приняли участие сотрудники научно-исследовательского кабинета по изучению литературных связей Ереванского государственного университета: **Паханянц К. А., Базян С. С., Калашян А. В., Мелконян М. А., Мосинян Н. Х., Урушанян Г. А., Григорян А. Г.**, заведующая научно-библиографическим отделом библиотеки Ереванского университета **Гаспарян Л. А.**

7—2—2

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Прогрессивное человечество отмечает одну из знаменательных дат своего духовного развития—100-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького—несравненного мастера искусства слова, впервые выразившего в своих произведениях идеалы пролетариата, основоположника социалистического реализма, родоначальника и наставника советской литературы, величайшего гуманиста и интернационалиста. В эти дни, вновь и вновь обращаясь к Горькому, каждый народ с тщанием собирает все то, что сближает созданную им культуру и литературу с именем великого русского писателя, ибо любая крупица этих связей—большая или малая—составляет предмет его законной национальной гордости.

Множество нитей протягиваются также от Горького к армянской действительности. Они включают в себя личные контакты и сотрудничество писателя с армянами, и активное его вмешательство в судьбы армянского народа, и прямое воздействие выработанных им идейно-эстетических принципов на развитие передовой армянской литературы, и переводы его произведений на армянский язык, и оценку его творчества армянской критикой и т. п.

Представить возможно полную картину этих взаимосвязей, систематизировать известное и ввести в научный оборот позабытое и затерявшееся, сделать все это достоянием русского и мирового горьковедения — такова цель настоящего сборника, определившая его структуру. В нем пять разделов: в первом собраны очерки, статьи и высказывания М. Горького, относящиеся к Армении и армянскому народу; во втором—письма М. Горького к армянам—общественным и культурным деятелям; в третьем—письма последних к М. Горькому;

в четвертом—их воспоминания о М. Горьком; в пятом—озаглавленном «Хроника»—отмечены в хронологическом порядке все факты общения М. Горького с армянами, переводы его произведений на армянский язык и постановки его пьес на армянской сцене, отклики армянской литературно-критической мысли на его творчество. В конце книги даны примечания и именной указатель.

Трудно охватить все звенья связей М. Горького в армянской действительности. Еще юношей Алексей Пешков, странствуя по Руси, прибыл осенью 1891 года в Тифлис, бывший тогда не только административным и торгово-промышленным центром, но и средоточием культурной жизни всего Закавказья, в которой, наряду с грузинской, активно участвовала также армянская и русская интеллигенция. Здесь он вскоре познакомился с молодым врачом железнодорожной больницы Николаем Худадовым, с его и А. М. Калюжного помощью был назначен в малярный цех главных мастерских Закавказской железной дороги, где среди рабочих и служащих находилось немало армян. Со многими из них Горький повседневно общался по работе (С. А. Дандуров и др.), а с некоторыми сошелся довольно близко. Он вошел в кружок «политически неблагонадежных лиц», руководимый Берви-Флеровским, в составе которого были также служащие железной дороги Яков Евангулов и Мамиконов, бывал на собраниях и читках, устраиваемых у них на квартире. Занимаясь в библиотеке «Общества учительниц», Горький сблизился с журналистом Никитой Кара-Мурзой, с которым он поддерживал связи на протяжении всей жизни последнего. Дежуря у постели больного Гола Читадзе — одного из первых пропагандистов марксизма среди тифлисской молодежи—он встретился со студентом учительского института Сергеем (Саркисом) Вартаньянцем, затем поселился с ним и некоторыми другими товарищами в одной квартире, образовав «Коммуну» на Ново-Арсенальной улице. Совместно с С. Вартаньянцем Горький разрабатывал проект организации народного театра, посвятил ему одно из первых своих стихотворений «Монолог сумасшедшего». Наконец, в это же время Горький познакомился с редактором прогрессивной армянской газеты

«Мшак» Григором Арцруни, при его содействии собирал и записывал народные песни, сказания, легенды и т. п.

И в последующие годы—в Самаре и Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге или при наездах в Закавказье и Крым, в окружении Горького мы постоянно встречаем армян: здесь и Александр Спендиаров, которому он передал свое неопубликованное стихотворение «Легенда о Марко», переложенное композитором на музыку (и которому подарил свой портрет с дарственной надписью, а также пьесу «Мещане» с автографом); здесь и Георгий Туманов, напечатавший в редактируемой им тифлисской газете «Новое обозрение» два ранних стихотворения Горького, устроивший торжественный обед в честь приезда преследуемого тогда писателя в Тифлис в 1903 году; здесь и ссыльный революционер, врач в Кутаиси Петр Дондаров, народоволец Василий Вартанян и др.

Круг армян-знакомцев М. Горького расширился в каприйский период его жизни и особенно в годы мировой войны и в послеоктябрьский период. Среди них мы видим общественных деятельниц Марию Сундукянц и Шушаник Манучарьянц, издателя журнала «Тараз» Тиграна Назаряна, армянских литераторов Вагана Теряна, Карена Микаэляна, Погоса Макинцяна, Левона Калантара, Тиграна Ахумяна и др., а в советский период—Александра Ширванзаде, Егише Чаренца, Аветика Исаакяна, Ваграма Алазана, Стефана Зорьяна и мн. других, имена которых читатель встретит в разделе «Хроники» настоящего сборника.

Развитием этих контактов с отдельными представителями армянского народа явилось посещение Горьким в июле 1928 года Советской Армении, где он воочию увидел все то, о чем был наслышан от знакомых ему армян, осведомлен из современной периодики и книг. А что Горький глубоко и всесторонне знал историю и культуру армянского народа, свидетельствуют не только воспоминания отдельных лиц и его переписка с армянскими общественными и культурными деятелями, но и его собственная общественная и литературно-публицистическая деятельность. Из многочисленных фактов, приведенных в настоящем сборнике, упомянем его знаменитую статью 1905 года «О Кавказских событиях», разоблачавшую царское самодержавие в разжигании братоубий-

И прочее такое?
Один я! Все, что есть кругом,
Чужое мне, чужое!
Душа ж моя полна вином
И прочее такое...
Душа моя! Искали мы
Друзей, любви, покоя?
Средь этой лжи и этой тьмы
И прочее такое.
И не нашли... и ныне пьем!
И впредь пить горько будем,
И все в груди зальем вином,
Что дать хотели людям!

Во мраке таинственной ночи*
Проносятся серые совы,
И блещут их круглые очи
И злы и угрюмо суровы.
Как гулко их крики несутся!
Смеются они и рыдают,
Проклятье в них дню раздаются
И ночь они смехом встречают.
Тьме ночи они дико рады,
В ней им так спокойно живется,
Не надо им лучшей награды,
Пусть дольше лишь день не вернется.
О, если бы мрака оковы
С страны моей бедной упали,
Исчезли бы серые совы
И соколы только б летали!
И били бы птицу ночную,
Что с радостью день провожает,
Ту птицу, что землю родную
Во мраке держать продолжает.
Но соколы хилы и слабы,
Сидят они где-то в ущельях,
И дремлют, как старые бабы,
Под звуки чужого веселья.

2. А. А. СПЕНДИАРОВ

Ялта, 20 апреля 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Одновременно с этим письмом высылаю Вам партитуру* и клавираусцуг моей баллады, написанной на Ваше стихо-

творение 20 апреля нынешнего года. Баллада эта была исполнена с оркестром в Петербурге в симфоническом концерте на сцене народного дома... Еще раз сердечно благодарю Вас за то, что Вы дали мне случай написать лучшее из моих сочинений, которое поэтому я позволил себе посвятить Вам.

Искренне преданный Вам.

Ал. Спендиаров

3. М. А. СУНДУКЯНЦ

Баку, 15 (28) июня 1912 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Месяц тому назад я писала Вам и Леон<иду> Ник<олаевичу>* и не получила ответа, это меня заставляет думать, что письма не дошли. Между тем там был запрос относительно статей для «Современника»*—одна—«Турецкая конституция и армянский вопрос»*, другая—«Из истории партии дашнакцутюн»*. Я спрашивала Вас имеют ли они для Вас интерес, и в случае утвердительного ответа, должна была прислать Вам или вернуть авторам—оба люди, хорошо знакомые с армянской жизнью. Этим я надеялась восполнить немного свой грех, хотя мысль о Вашем поручении никогда меня не оставляла. В августе возвращаюсь в Россию и тогда легче воздействовать на нашу публику. До сих пор не знаю, получили ли Вы «Стихотворение в прозе» с арм<янского>*. Думается, что они удачны и по смыслу, и по переводу, но переводчик очень уж строг к себе и все хотел отделывать.

Судьба статьи Агароняна «Турецкая конституция и армянский вопрос» заставляет меня еще раз писать Вам и просить дать по поводу нее какое-нибудь распоряжение. Если Леон<ид> Ник<олаевич> близь Вас, не откажите сказать ему о моем письме. Я поступила несколько опрометчиво: послала наугад лист, выпущенный Краков<ским> об-вом для Василия Монина (помните?) с просьбой помочь

Спасенный все больше свирепел и, наконец, пригрозил полицией. А. Пешков был озадачен и не знал, что делать.

Из затруднения вскоре, однако, его вывел сам рабочий. Он попросил у Пешкова отступного. Пешков отдал последний рубль и рад был отделаться от человека, которому думал спасти жизнь.

Рассказ совсем в духе М. Горького, и нужно сожалеть, что этот сюжет разработал не он сам. Он напоминает его известный рассказ из кавказской жизни «Мой спутник». Герой последнего Птадзе, как оказалось, был списан с кондуктора С-дзе. Последний в грузинской газете «Цнобис Пурцели»* недавно в 1903 г. доказывал, что М. Горький напрасно оклеветал его в своем рассказе, и что он не делал тех подлостей, какие ему приписывает автор.

Быть может, в обоих вышеупомянутых рассказах были преувеличения и прямо искажена действительность, но ведь художественное творчество не есть фотография или протокол.

Было бы ошибочно думать, что в рассказе «Мой спутник» Горький намеренно в некрасивом свете вывел грузина. Шакро Птадзе сильно смахивает хотя бы на того же рабочего, которого М. Горький хотел спасти от утопления.

В 1900 г. летом А. Пешкову случилось опять побывать в Тифлисе. Он здесь был проездом, вместе с Чеховым и Васнецовым.

Этим случаем воспользовались некоторые его старые сослуживцы по закавказским железным дорогам, чтобы устроить ему обед в одном из садов.

Грузины, армяне, интеллигенты, бывшие на этом обеде, имели случай убедиться, что А. Пешков не питает никакой антипатии к инородцам, а напротив, относится к ним с полнейшей симпатией. Подтверждением этого служит и рассказ Горького «Ошибка», героем которого в симпатичном свете выведен тоже грузин — психически расстроенный учитель Ч-дзе (см. по этому поводу воспоминания Н. Кара-Мурзы в «Новом обозрении», ноябрь 1903).

А. Пешков побывал в Тифлисе и в других местностях нашего края и в 1903 г. летом. Он совершил пешеходное путешествие, отдыхая здесь на лоне природы от той напряженной нервной работы, которую приходится вести писателю по профессии зимой в наших крупных умственных центрах.

<1905>

А. А. СПЕНДИАРОВ

М. ГОРЬКИЙ В КРЫМУ

Горький жил летом 1902 г. в Крыму в 14 верстах от Ялты, по дороге к Алупке, в имении Токмаковых—«Олеиз». Я бывал у него с наслаждением. Его радушие хозяина не имело границ. У него были для всех всегда открытые двери и всегда накрытый стол. Он только что продал пятое издание своего пятитомного собрания,—денег было много. Скупость никогда не была знакома писателю. С утра и до утра вина и закуски не сходили со стола (сам Горький почти не пил).

С утра и до вечера менялся калейдоскоп самых прихотливых посетителей. В то время Ялта была средоточием литературных и музыкальных сил. Лев Толстой — в Гаспре, Чехов—в Ялте, Шаляпин целые дни проводил у Горького. Рахманинов, Андреев, Телешов, Бунин, Шмелев, Скиталец,—да разве упомнить всех, кого я встречал у Горького. (Я сам бывал у него часто, и Горький бывал у меня в Ялте, где я жил в доме отца). Поразительно, что со всеми и даже с самыми назойливыми посетителями хозяин вел себя ровно, благодушно, внимательно, вопреки многими усвоенному представлению, будто Горький резок, дерзок, самомнителен. В те поры пресловутый нововременный критик Буренин* впервые пустил в печать словечко, теперь затрепанное,—«хулиган». И пустил его по адресу Горького. Мы все были возмущены. Недоволен был и сам писатель: хотя обычно критике нововременцев не придавал никакого значения, слово «хулиган» огорчило его. Многие советовали ему даже как-нибудь «реагировать». Хулиганствовала в Москве группа молодых, подчас вовсе бесталанных писателей, так называемых «подмаксимков». Они усвоили себе только внешние

черты Максима Горького. Его рубаху, брюки, сапоги,—просто одежды, столь идущие выдвиженцу из народа Пешкову. Усвоили его резковатый, афористичный тон. Резковатость, угловатость эта у Горького была только на людях, и происходила она, как это часто бывает, от излишней застенчивости. Горькому же было неприятно до боли, что его особой интересуются. «Подмаксимки» же, строя свою карьеру якобы на духовной близости к Горькому, вели себя порой непозволительно, искали скандалов, случаев попасть хотя в хронику газеты. Вот эти-то «подмаксимки» набрасывали порой тень на якобы «главу их шайки».

Как на поразительный пример гостеприимства и деликатности Горького укажу на такой случай, имевший место на моих глазах. Пришла дама-почитательница и затеяла с Алексеем Максимовичем политический спор. Каких только благо-глупостей не наговорила эта аристократка, как только не старалась она ниспровергнуть и растоптать своим модным французским каблучком «эти красные бредни»! Горький очень терпеливо, внимательно выслушивал доводы посетительницы, подробно разбирал и разбивал их один за другим. Дама горячилась, находила все новые, еще более вздорные и оскорбительные мотивы для возражений. Горький, как врач, хладнокровно и участливо выслушивал пациентку. Дама становилась все несноснее и несноснее. Горький даже не повысил голоса.

И много было таких поклонников и поклонниц, которые, признавая талант, а некоторые даже гений Горького, старались его совратить с красного пути на путь добродетели—«церкви и отечеству на пользу». Он позволял каждому с улицы копаться в святая-святых его души. И это вовсе не потому, что писатель искал типаж для своих будущих творений. И это вовсе не потому, что он искал в человеке его веру, его бога. Горький не был богоискателем*. Он был человекоискателем. В каждом человеке искал человека. И если не удавалось найти, поражался. И снова, снова искал. Обнаружить залежи человека—вот была радость для него. Человеческая руда — это звучит драгоценнее, чем золотая руда.

Характерно, что и в минуту самого разгара веселья он не забывал о революционерах. Помню, в Ялте, уже будучи под особым надзором полиции, Горький, окинув многолюдное собрание и сообразив, что среди присутствующих есть люди очень состоятельные, объявил скоропостижный сбор в пользу революционеров. Дал свою широкополую, вместительную шляпу Шаляпину и заявил: «Спокойно! Снимаю!». Моментально шляпа наполнилась до краев кредитками—часто радужными—золотом. А Шаляпин любил, чтобы его песня была отмычкой к сердцу и карману.

В Крыму Горький и Шаляпин жили дружно. Шаляпин с непохожей на него восторженностью относился к Алексею Максимовичу. Да и вообще у Горького была какая-то всепокоряющая простота, деликатность и нежность в обращении. Его все решительно любили. Вот бы хоть на день туда пустить Лядова! И он бы поразился, как неправы те, которые обвиняют Горького в оплевывании авторитетов Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова!.. Однажды с виноватой улыбкой Горький говорит мне: «Вот знаете... не пишу я стихов... Все равно, ведь как Пушкин не напишешь, а писать хуже — значит оскорблять память Пушкина! Пушкин за всех поэтов русских вперед на двести лет написал!.. И все-таки согрешил я стихом. Написал поэму «Рыбак и фея»... Может, вам для музыки пригодится?». Я взял. Понравилось, и в 1903 г. в Павловске уже исполнялась моя баллада «Рыбак и фея» для баса с оркестром. Я имел в виду Шаляпина. Так вот из этого моего воспоминания Лядов увидал бы, что Горький думает о Пушкине. С отцом униженных и оскорбленных у Горького столько общих корней, что нелепо даже на миг подумать, что он может не признавать Достоевского! Я не знаю, можно ли больше любить Чехова, чем любил его Горький. Внимательный и радушный со всеми, Горький особенно нежен был именно с Антоном Павловичем! Толстой жил в Гаспре. Сыновья и дочь Толстого были частыми гостями у Горького. Сам Толстой не бывал в «Олеизе». Но Горький к Толстому любил ездить и возвращался просветленным. Он в богоискателе нашел такие горы человеческой руды, что на разработку ее не хватило бы десятка человече-

ских жизней. И художника, и человека Горький любил и любит в Толстом.

Горький бывал у меня в Ялте, в доме отца. Отец мой не щадил средств, чтобы обставить свой дом как можно художественнее. Вся мебель была специально заказана знаменитому Мельцеру. Картины, статуи, бронза, фарфор делали дом похожим на дворец искусства. Меня поражало, с каким любованием всегда рассматривал Горький эти предметы искусства. Его детство и юность прошли без возможности наслаждаться радостями живописи, скульптуры, музыки. Но у него было прирожденное чувство красоты.

Рассматривая какую-нибудь фарфоровую безделушку он восклицал: «Вот за такую прелесть не жалко никаких денег!» Он развивал как-то мысль, что все предметы быта— мебель, утварь, посуда, платье — должны быть напоены искусством. Ведь, даже дикари самых отдаленных времен стараются каждой вещичке самого пустого домашнего назначения придать художественный вид. Или выцарапают на ней рисунок, или форму отгранят так, что получается зверек, или раскрасят. Тогда искусство было искусством для всех. Насколько же мы беднее, отсталее, если у нас искусство — это роскошь, привилегия богатых и знатных.

Музыку Алексей Максимович страшно любил. По его просьбе я, приглашая его к себе, всегда устраивал у себя концерты. Раз устроил квартетный вечер из солистов симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов—больше всего квартет Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотно певал и Шаляпин.

<1927>

В. А. ВАРТАНЯН

ВСТРЕЧА С М. ГОРЬКИМ

Моя встреча с Горьким была мимолетной. Если не ошибаюсь, это было в 1902 г. С покойной Люсей* мы попали в Ялту, где в то время проживали М. Горький и Чехов. Мы

были горячими почитателями талантов обоих писателей — антиподов по своему настроению: с грустью, как в зеркале, отражал Чехов тусклые, нудные будни тех дней, бодро, призывно звучал голос М. Горького. Мы мечтали познакомиться лично с обоими писателями, но не решались пойти на дом к ним.

Как-то, гуляя по городу, у какого-то пустыря мы заметили, что к нам приближается М. Горький.

— Или теперь, или никогда мы с ним не познакомимся,—шепнула Люся.

Этих слов было достаточно, чтобы побороть в себе чувство неловкости. Я решительно подошел к Горькому, поздоровался и назвал свою фамилию. Суровые морщины на лице Горького рассеялись, он ласково протянул мне руку, очевидно приняв меня за Серго, старого приятеля своего.

Я познакомил его с женою.

Он пригласил нас к себе полюбоваться с его квартиры особенно красивым видом на море.

Мы охотно приняли приглашение. Никаких особенно интересных разговоров между нами не было, но мы с женою были рады и счастливы, что видели, пожали руку и поговорили с дорогим нам человеком и писателем.

В Горьком меня поразила вся его точно протестующая фигура, несмотря на то, что в нем не было ничего цветного, красочного.

«В чем его обаяние?» — задал себе вопрос, засыпая. Во сне я вновь вижу Горького. Высокий, худой, он весь одухотворенный и вокруг него какая-то особенная атмосфера, которую я конкретно, физически чувствую. Это — атмосфера альтруизма, говорю я себе и с этим просыпаюсь. В детстве со мной часто случалось решать во сне задачи, которых я не мог решить наяву.

Так случилось и на этот раз: одухотворенный М. Горький, окруженный атмосферой альтруизма, это—человек будущего, того будущего, когда не на словах, а на деле все люди будут гореть и внутренне освещаться чувством беспредельной, активной, самоотверженной любви к человеку.

Моря, океаны этого чувства охватят собою весь мир и в корне убьют варварский эгоизм капиталистического уклада

наван). В 1900 вступил в РСДРП. В 1902 явился одним из организаторов «Союза армянских социал-демократов». В конце 1902 эмигрировал в Германию и поступил на философский факультет Берлинского университета; вел большую работу в заграничных организациях РСДРП. В 1903 в Женеве Шаумян впервые встретился с В. И. Лениным. Он активно работал в созданной по инициативе В. И. Ленина комиссии по изданию с.-д. литературы на армянском и грузинском языках. В 1904 вернулся в Тифлис, был одним из руководителей Кавказского союзного комитета РСДРП. В период русской революции Шаумян написал ряд работ по вопросам марксистско-ленинской теории: «Классы в современном европейском обществе», «Эволюционизм и революционизм в общественной науке», «Национальный вопрос и социал-демократия» и др. Активно участвовал в работах IV и V съездов РСДРП, отстаивал ленинскую линию по всем вопросам. После V съезда был направлен в Баку, где вел руководящую работу в бакинской партийной организации. В 1911 Шаумян был членом Российской организационной комиссии по созыву VI Всероссийской (Пражской) партийной конференции, но вскоре был арестован и выслан в Астрахань. На Пражской конференции заочно избран кандидатом в члены ЦК РСДРП(б). В ссылке Шаумян по заданию В. И. Ленина написал работу «О национально-культурной автономии», в которой, разоблачая идеологов национализма, отстаивал принципы пролетарского интернационализма. Вернувшись в 1914 из ссылки, Шаумян возглавил бакинскую большевистскую организацию. В 1916 он вновь был арестован. В 1917 был заочно избран Председателем Бакинского Совета рабочих депутатов. В марте вернулся в Баку, где развернул активную борьбу за победу социалистической революции. В декабре 1917 Совнарком РСФСР постановил назначить Шаумяна Чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. В апреле 1918, после подавления мятежа мусаватистов, был образован Бакинский Совнарком во главе с Шаумяном. Под натиском превосходящих сил контр-

революции Советская власть в Баку временно пала. Английские интервенты тайно увезли Шаумяна и 26 его боевых соратников—бакинских комиссаров и в ночь с 19 на 20 сентября 1918 зверски расстреляли их.

Жизнь Шаумяна, замечательного профессионального революционера, является примером беззаветного служения великому делу рабочего класса.

Отдельные издания:

«Однажды осенью», перевод С. Шаумяна, Тифлис, 1901, 30 с.

1902

Январь, 27

В журнале «Тараз» (№ 2) в переводе Ашота Хумаряна напечатана «Песня о Буревестнике».

Январь, 31

В письме к К. П. Пятницкому сообщает о проекте издания сборников национальных литератур: еврейской, финской, грузинской, армянской.

«После еврейского сборника надо выпустить сборник финский, переписки по поводу которого я уже веду. Грузинский и армянский—тоже».

«Архив Горького», т. IV, ГИХЛ, М., 1954, с. 76.

Январь — начало февраля

В Крыму (в Олеизе) знакомится с композитором А. А. Спендиаровым и передает ему стихотворение «Легенда о Марко» (в новой редакции, с последней обличительной строфой), которое А. А. Спендиаров вскоре переложил на музыку.

«В начале 1902 г. в Ялте стало известно, что на даче в имении «Олеиз» поселился Максим Горький. Его произведения в то время читались с интересом. Его литературная сла-

ва, как и личность известного (революционера), выходца из народа вызвали возбуждение среди ялтинцев...

Меня, как и всех, заинтересовал приезд Горького. Вскоре мой знакомый врач Юрий Алексеевич предложил мне посетить с ним вместе Горького. Я с радостью выразил свое согласие.

Горький жил в красивом особняке. С ним была его первая жена Екатерина Павловна и сын Максим (как его называли родители). В большой приемной комнате стоял стол. Было много посетителей: студенты и студентки, два-три писателя, в их числе помню Бунина. Горький пригласил (нас) в свой кабинет, из окна которого открывался вид на море. Я помню, в те дни на море был полный штиль. Горький сказал мне: «Я не люблю море в таком спокойном состоянии. Бурное море мне гораздо больше по душе». Расспросив меня о моих работах (помню, я писал свои эскизы), Горький сказал: «Я стихов вообще не пишу, но недавно согрешил—написал песню по стихам «Валашской легенды». Стихи под названием «Рыбак и фея». Если найдете к ним музыку (напишите)».

Я прочел стихи и убедился, что они представляют (несомненный) интерес для музыки».

Из воспоминаний А. А. Спендиарова. МЛИ Арм. ССР, ф. А. А. Спендиарова.

«Приступил к сочинению баллады для баса с оркестром на неопубликованное еще поэтическое стихотворение М. Горького (лично мне передавшего это стихотворение)».

п. А. Спендиарова к В. В. Бесселю от 6 февраля 1909. В кн.: Г. Тигранов, А. Спендиаров, Айпетрат, Ереван, 1953, с. 86.

Спендиаров, Александр Афанасьевич (1871—1928) — выдающийся композитор, классик армянской музыки. Окончил гимназию в Симферополе (1890) и юридический факультет Московского университета (1895). Занятия музыкой начал с 9-летнего возраста, с 14 лет

стал обучаться скрипке. Уроки теории композиции впервые начал брать в 1892 у Н. С. Кленовского в Москве, а затем в 1896—1900—у Римского-Корсакова в Петербурге. Довольно рано проявилась у Спендиарова склонность к музыкальному творчеству: семи лет он сочинил небольшой вальс, а в гимназические годы — танцы, марши, романсы. Вернувшись в Крым, Спендиаров вел музыкально-общественную деятельность, дирижировал в симфонических концертах. Им было написано множество произведений, три из которых—симфоническая картина «Три пальмы», легенда «Беда-проповедник» и мелодекламация с оркестром «Мы отдохнем» на текст монолога Сони из пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова—были удостоены премий им. Глинки. Значительное место в его творчестве заняли сочинения, созданные на основе произведений русских и армянских писателей и поэтов—А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Х. Абовяна, И. Иоаннисяна и др. Спендиаров был лично знаком и общался с Л. Толстым, А. П. Чеховым, М. Горьким, Ф. Шаляпиным, Ов. Туманяном, был близок с Н. Римским-Корсаковым, А. Лядовым, А. Глазуновым, с детства хорошо знал и часто встречался с И. К. Айвазовским.

После Октябрьской революции Спендиаров сразу же встал в ряды строителей новой культуры. Он руководил первыми самодеятельными хорами и оркестрами в Крыму, участвовал в организации музыкальной школы, обрабатывал русские и украинские песни и т. п. В 1924 переехал в Эривань, посвятив себя развитию музыкального искусства в Советской Армении. В этот период им была завершена героико-патриотическая опера «Алмаст», написаны «Эриванские этюды», «Гариб блбул» (из песен Саят-Новы) и др. Он сыграл выдающуюся роль в развитии национальной композиторской школы, в формировании ее эстетических принципов и стилистических особенностей.

Март, 13

В газете «Нор дар» (№ 45) в переводе Г. Беделяна напечатан рассказ «О черте».

Беделян, Григор Казарович (1882—?)—журналист и переводчик. Жил в Новом Нахичеване-на-Дону, корреспондировал в армянские газеты и журналы Закавказья, в 1906—1907 являлся сотрудником литературного и общественно-политического еженедельника «Нор кянк» («Новая жизнь»), издававшегося в Новом Нахичеване.

Март, 19, 20, 21

В газете «Нор дар» (№ № 49, 50, 51) в переводе М. Данагезяна (под псевдонимом «Востаник») напечатан рассказ «Макар Чудра».

Данагезян, Мелкон (1863—1926)—известный переводчик русской и западно-европейской литературы, выступавший также под именем Муше Вардапета и псевдонимами «Востаник» и «Рустамбек». Некоторое время работал секретарем редакции газеты «Нор дар», затем принял духовный сан и переехал в Новый Нахичеван. С 1900 г. постоянно печатал свои переводы, главным образом, в газете «Нор дар».

Апрель, 21

В газете «Новое обозрение» (№ 6023) под заглавием «Письма из Петербурга» опубликована первая часть статьи Х. Вермишева ««Мещане»—драматический этюд Горького»:

«Темная осенняя ночь нависла над жизнью... Сырою пронизывающею мглою окутана земля... Мелкой пылью сеет дождичек... На дворе грязно, сыро, темно... И притихли в эту унылую осеннюю ночь бедные, жалкие люди... Страшно и жутко им выглянуть из теплой, но затхлой избы в неприглядную мглу, таящую в себе страшное, неизвестное. Страшно, жутко оставаться и дома, в атмосфере ветхого жилья, пропитанного гнилыми испарениями. А тут и зима близится со своими жестокими морозами... Но для смелой души это—

сигнал тронуться в путь. Не страшна ей зимняя стужа, потому что лучше на ходу замерзнуть, чем сидя на месте гнить... И увлекут за собой смелые люди всех этих пришибленных и барахтающихся в тине мелочей жизни маленьких людей. И не разобьются их усилия—выкарабкаться на вольный воздух — о крепкие запоры старого жилья, не замрут их порывы к светлой заре в глухую пору долгой осенней ночи, как задрожал и разбился последний прощальный аккорд бедной одинокой мещанки Тани.

Таково в общих чертах настроение, навеваемое драматическим эскизом «Мещане», поставленным 26 марта труппой Московского Художественного театра. Пьеса эта давалась в первый раз и ожидалась с большим нетерпением. Фактическое содержание этого произведения Горького—все тот же разлад между «отцами и детьми», который испокон веков существует на земле. Этот разлад выставлен Горьким на фоне мещанского деспотизма, представляющего только лишь повторение деспотизма героев Островского и этого общего безотрадно-унылого общественного настроения, которое составляет особенность нашего времени. Кроме того, у Островского в темном царстве изнывали дети, недалеко ушедшие по своему развитию от своих «тятенек». У Горького дети — студент и школьная учительница. В силу этого тема, давно использованная, приобретает яркую оригинальность. В довершение этой оригинальности элементами новыми являются у Горького босяк или вернее кандидат в босяки, с его необъятной силой, которую некуда девать и которая приводит его к водке, и трезвый рабочий-машинист, весело и бодро распутывающий жизненную загадку. Все это в совокупности придает пьесе Горького яркую своеобразную окраску и захватывающий интерес... <Приводится содержание пьесы>.

...Такова несложная фабула этой новой пьесы Горького. Интересна она, конечно, не по своей фабуле, а теми новыми людьми, которых он выводит на сцену. Эти новые люди—Нил и Тетерев. Последний, собственно, в ходе действия пьесы не принимает участия. Он только ходит вокруг действующих лиц, их характеризует, критикует и философствует, подобно тому, как и в действительной жизни для таких людей, как

лис (см. примеч. к воспоминаниям Н. Кара-Мурзы), а также в «Хронике», стр. 268.

М. ГОРЬКИЙ В КРЫМУ (стр. 107—109)

Впервые—в журнале «Музыка и революция», 1928, № 4 (в литературной записи Шибуева). Печатается по тексту первой публикации.

Слендиаров, Александр Афанасьевич—см. о нем в «Хронике», стр. 232.

стр. 107 **Буренин, Виктор Петрович** (1841—1926)—реакционный критик, сотрудник «Нового времени».

стр. 108 **Горький не был богоискателем.**—Влияние на Горького реакционного религиозно-философского течения «богоискательства» и «богостроительства» не было никогда органическим, а носило кратковременный характер. Благодаря последовательной, прямой и дружески-резкой критике со стороны Ленина Горький смог быстро преодолеть свои временные заблуждения, тем более, что влияние этих течений на великого пролетарского писателя—убежденного врага всякой мистики и пессимизма не имело под собой почвы философского идеализма и целиком противоречило самым основам его мировоззрения.

ВСТРЕЧА С М. ГОРЬКИМ (стр. 110—112)

Публикуется впервые по тексту оригинала, хранящегося в Архиве Горького (МОГ 2, 53/1).

стр. 110 **Люся**—жена В. А. Вартаньянца.

М. ГОРЬКИЙ В КУТАИСИ В 1903 г. (стр. 112—115)

Публикуется впервые по тексту оригинала, хранящегося в архиве литературоведа В. Имедадзе; Гос. архив Грузии, ф. 1717.

Дондаров, Петр Михайлович—см. о нем в «Хронике», стр. 263.

стр. 113 **Махарадзе, Филипп Иесеевич** (1868—1941)—один из видных деятелей Советского государства. Член РСДРП с 1891, неоднократно подвергался арестам и ссылкам, участник Первого съезда с.-д. рабочих организаций Кавказа, на котором был избран в состав Кавказского союзного комитета РСДРП. Перевел в 1903 на грузинский труд В. И. Ленина «К деревенской бедноте». В февральскую революцию явился одним из организаторов Тифлисского Совета рабочих депутатов, был делегатом на VII Всероссийской (Апрельской) партийной конференции. В 1921—Председатель Ревкома Грузии, с 1922—Председатель ЦИК Груз. ССР, затем Пред. Госплана ЗСФСР, Председатель ЦИК ЗСФСР. С 1938—зам. Председателя Президиума Верховного Совета Груз. ССР.

стр. 113 **Орест Семин**—историк-аграрник.

стр. 113 **Воспоминания Гурешидзе.**—Воспоминания М. З. Гурешидзе опубликованы в книгах: Имедадзе В. «Горький в Грузии», Тбилиси, «Заря Востока», 1958 и Николадзе А. «Русско-грузинские литературные связи», «Заря Востока», 1958.

стр. 113 **...в сопровождении двух своих молодых спутников...**—в июне 1903 А. М. Горький предпринял путешествие по Волге на Кавказ вместе с Е. П. Пешковой, А. А. Тихомировым и К. П. Пятницким (см. «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. I, стр. 400).

стр. 113 **Тихомиров, Асаф (Иосаф) Александрович** (1872—1908)—артист Московского Художественного театра.

стр. 113 **Пятницкий, Константин Петрович** (1864—1938)—директор-распорядитель книгоиздательства «Знание» в Петербурге.

ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ (стр. 115—122)

Впервые— в журнале «Дон», 1958, № 6 (в литературной записи Л. Пинчук). Печатается по тексту первой публикации.

Манучарьянц, Шушаник—см. о ней в «Хронике», стр. 348.

стр. 116 **Старк (Рябовский), Леонид Николаевич** (1889—1943)—поэт, журналист. Член РСДРП с 1905. В 1912 был выслан из России, некоторое время жил на Капри, встречался с Горьким, который интересовался его творчеством и в 1913 посылал его стихи в журналы; хотел привлечь его к переводам в организуемом им сборнике грузинской литературы. По возвращении в Россию Горький поддерживал через Старка связь с Петроградским комитетом РСДРП. Позже Л. Старк сотрудничал в журнале «Летопись», был секретарем изд-ва «Огни». После Октябрьской революции находился на военной и дипломатической работе.

стр. 117 **Вольнов (Владимиров), Иван Егорович** (1877—1944)—писатель. Родился в семье крестьянина-бедняка. Окончил Курскую учительскую семинарию, преподавал в сельских школах. За покушение на мценского исправника был сослан в Сибирь, но в 1910 бежал за границу; на Капри познакомился в Горьким. В 1917 возвратился в Россию, участвовал в гражданской войне. Написал по совету Горького свое лучшее произведение «Повесть о днях моей жизни».

стр. 117 **Струян (Матерс), Ян** (1884—1938)—латышский советский писатель, журналист, партийный работник. Родился в крестьянской семье, среднее образование получил в Леапайском реальном училище. В 1903 поступил в Рижский политехнический институт, где примкнул к социал-демократическим организациям. В 1904 был арестован за распространение нелегальной литературы и осужден на 8 месяцев тюрьмы. Принимал активное участие в революции 1905 г., после чего перешел на нелегальное

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Вместо предисловия К. Айвазян V

С. Г. Шаумян—О Горьком 3

I. Очерки, статьи и высказывания М. Горького

<На Кавказе> 17

О кавказских событиях 20

Русский царь (Из цикла «В Америке») 24

Из статьи «О русской интеллигенции и национальных вопросах» . 28

Камо 29

О книге А. Окулова «Камо» 38

<В Армении> 39

<К 10-летию Советской Армении> 48

<Отзыв о рукописи профессора К. Х. Кекчеева «Биография И. М. Сеченова»> 48

<К десятилетию ЗСФСР> 49

<«Дать биографии Шаумяна, Камо, Назарбекова»> 50

О романе Нар-Доса «Смерть» 50

II. Письма М. Горького

1. Г. С. Бурджалову. Январь 1912 г. 55
2. М. А. Сундукянц. 25 октября 1912 г. 55
3. А. М. Ширванзаде. 1 февраля 1916 г. 56
4. Н. М. Кара-Мурзе. 16 февраля 1916 г. 57
5. Т. С. Ахумяну. 27 августа 1916 г. 57
6. Т. С. Ахумяну. 25 октября 1916 г. 57
7. Е. А. Киракозовой 17 сентября 1921 г. 59
8. Л. А. Аргутинской. 24 февраля 1931 г. 59
9. Д. А. Хутулашвили. 31 октября 1931 г. 61
10. С. Г. Сукиасяну. Декабрь 1932 г. 61
11. Л. А. Аргутинской. 4 мая 1933 г. 61
12. А. И. Микояну. Лето 1934 г. 63
13. К. С. Микаэляну. 17 апреля 1936 г. 63

III. Письма к М. Горькому

1. Г. М. Туманов. Конец июня—начало июля 1901 г. 67
2. А. А. Спендиаров. 20 апреля 1903 г. 68
3. М. А. Сундукянц. 15 (28) июня 1912 г. 69
4. В. С. Терян. 21 июля 1915 г. 70
5. А. М. Ширванзаде. 26 января 1916 г. 70
6. Н. М. Кара-Мурза. 6 февраля 1916 г. 72

7. Н. М. Кара-Мурза. 1 марта 1916 г. 73
8. В. С. Терян. 29 октября 1917 г. 75
9. А. М. Ширванзаде. 2 июля 1920 г. 76
10. А. А. Спендиаров и др. 23 марта 1921 г. 77
11. В. А. Вартанян. 28 мая 1928 г. 77
12. М. А. Сундукянц. 19 августа 1929 г. 78
13. Л. А. Аргутинская. 22 января 1931 г. 78
14 С. Г. Сукиасян. 19 декабря 1932 г. 80
15. Л. А. Аргутинская. 30 января 1933 гг. 81
16. Л. А. Аргутинская. 3 марта 1934 г. 81
17. Т. С. Ахумян. 10 июля 1934 г. 82
18. Т. С. Ахумян. 15 сентября 1934 г. 85
19. В. А. Вартанян. <Март 1935 г.> 87
20. К. С. Микаэлян. 23 марта 1936 г. 89

IV. Воспоминания о М. Горьком

С. А. Вартаньянц—М. Горький в Тифлисе 93
С. А. Дандуров—Псевдоним—«Максим Горький» 98
Н. М. Кара-Мурза—Кавказские воспоминания о М. Горьком . 99
Г. М. Туманов—Максим Горький в Тифлисе 102
А. А. Спендиаров—М. Горький в Крыму 107
В. А. Вартанян—Встреча с М. Горьким 110
П. М. Дондаров—М. Горький в Кутаиси в 1903 г. 112
Ш. Н. Манучарьянц—Знакомство с Горьким 115
А. Б. Халатов—Друг народа (Из воспоминаний и писем) . . 122
П. Н. Макинцян—Максим Горький (Встречи и впечатления) . 131
К. С. Микаэлян—Великий друг народов 135
Т. С. Ахумян—Учитель и наставник 140
Е. А. Киракозова—О самом человечном человеке 149
И. С. Франгулян—Три встречи 168
Аветик Исаакян—Великий друг 174
Стефан Зорян—Горький в Эривани 177
Ваграм Алазан—Максим Горький в Армении 180
Ваграшак Норенц—В Дилижане 190
Аршавир Дарбни—История одной фотографии 192
В. О. Тонян—В Горках 193
А. Захарян—Армянские пионеры у Горького 196

V. Хроника

Связи А. М. Горького с армянами—общественными и культурными деятелями; переводы произведений А. М. Горького на армянский язык и отклики армянской литературно-критической мысли на его творчество (Составители—К. В. Айвазян, С. Т. Ахумян) 203
Примечания 663
Именной указатель 688

ГОРЬКИЙ И АРМЕНИЯ

Статьи, письма, воспоминания и «Хроника»

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строки	Следует читать
64 - 65	вкладыш	Е. Кочара
150	16—15 снизу	постоянное общение с Владимиром Ильичом. В своих частых поездках в Москву он, имея постоянный доступ в Кремль,
520	первые 4 строчки сверху	посвящённую коллективизации в Армении, в 1940—роман «Горящий горизонт», носящий автобиографический характер, изображающий студенческое движение в Петербурге в начале XX в., в 1959—исторический ро-

Заказ 191

ВФ 07535 Заказ 191 Тираж 4000

Сдано в производство 20/II 1968 г. Подписано к печати 14/VI 1968 г. Усл. л. 43,75. Изд. л. 36,5. Бумага 60×90¹/₁₆. Цена 2 р. 50 коп.

Типография № 1 Главного управления полиграфпрома Государственного комитета по печати Совета Министров Арм. ССР, Ереван, Алавердяна, 65.

7. Н. М. Кара-Мурза. 1 марта 1916 г. 73
8. В. С. Терян. 29 октября 1917 г. 75
9. А. М. Ширванзаде. 2 июля 1920 г. 76
10. А. А. Спендиаров и др. 23 марта 1921 г. 77
11. В. А. Вартанян. 28 мая 1928 г. 77
12. М. А. Сундукянц. 19 августа 1929 г. 78
13. Л. А. Аргутинская. 22 января 1931 г. 78
14 С. Г. Сукиасян. 19 декабря 1932 г. 80
15. Л. А. Аргутинская. 30 января 1933 гг. 81
16. Л. А. Аргутинская. 3 марта 1934 г. 81
17. Т. С. Ахумян. 10 июля 1934 г. 82
18. Т. С. Ахумян. 15 сентября 1934 г. 85
19. В. А. Вартанян. <Март 1935 г.> 87

Связи А. М. Горького с армянами—общественными и культурными деятелями; **переводы** произведений **А. М. Горького на армянский язык и отклики** армянской литературно-критической мысли на его творчество (Составители—К. В. **Айвазян**, С. Т. Ахумян) 203
Примечания 663
Именной указатель 688

ГОРЬКИЙ И АРМЕНИЯ

Статьи, письма, воспоминания и «Хроника»

Редактор издательства: **С. В. Авакян**
Художник: **Г. А. Худикян**
Технич. редактор: **А. А. Овасапян**
Контр. корректор: **А. С. Саакян**

ВФ 07535 Заказ 191 Тираж 4000

Сдано в производство 20/II 1968 г. Подписано к печати 14/VI 1968 г. Усл. л. 43,75. Изд. л. 36,5. Бумага $60\times90^1/_{16}$. Цена 2 р. 50 коп.

Типография № 1 Главного управления полиграфпрома Государственного **комитета по печати** Совета Министров Арм. ССР, Ереван, Алавердяна, 65.